СОЖЖЕНІЕ

ВЪ СИМБИРСКѢ

ЕРЕТИКА ЯРОВА.

Симбирскъ.
Губернская Типографія.
1898.

СОЖЖЕНІЕ

въ Симбирскѣ еретика Ярова.

Движеніе раскола получало политическую окраску уже при самомъ началѣ своего возникновенія; вражда съ церковью, вступившей въ борьбу съ отщепенцами, должна была породить вражду и къ государству, такъ какъ оно, при обнаруженіи въ расколѣ тенденцій и противъ правительства, пришло на помощь церкви въ этой борьбѣ, а толерантность не была въ духѣ того времени...

На такихъ началахъ и въ XVIII вѣкѣ расколъ и вообще всякія еретическія проявленія подвергались сильному гоненію, въ полномъ значеніи этого слова. Правительство, отказывая послѣдователямъ еретическаго направленія въ признаніи ихъ гражданскаго существованія, стремилось къ искорененію ихъ, производя продолжительные „розыски“ „сыски“ о всякаго рода вѣроотступикахъ и примѣняя къ наказанію строгіе указы еще XVII столѣтія; въ такомъ духѣ встрѣчаемъ солидарность и между сенатомъ и синодомъ въ мѣропріятіяхъ противъ раскола.

Въ собраніи „дѣлъ сената по синоду“, хранящемся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи и наполненномъ массой раскольническихъ дѣлъ есть документъ *) представляющій собою содержаніе „розыска“ объ еретикѣ Яровѣ**). Производство предва-

*) Книга „Дѣла сената по синоду“ 1740 г. № 3792 (Руск. Архивъ 1868 г. № 7).

**) Фамилія Яровыхъ до сихъ поръ существуетъ въ Симбирской губерніи.

рительнаго слѣдствія по этому дѣлу началось въ Симбирскѣ 5 августа 1732 г. и кончилось 18 марта 1736 г. Все это время за ходомъ дѣла зорко слѣдили въ Петербургѣ — сенатъ и синодъ, не входя другъ съ другомъ въ пререканія, но тѣмъ не менѣе это дѣло такъ и осталось загадочнымъ, неразрѣшающимъ вопросъ, былъ-ли Яровъ раскольникомъ, еретикомъ, волшебникомъ или знахаремъ, а между тѣмъ онъ былъ преданъ одной изъ самыхъ ужасающихъ казней „въ примѣръ другимъ".

5 августа 1732 г. является въ „Симбирскую ратушу" молодая женщина, назвавшаяся женой симбирскаго посадскаго человѣка Якова Ярова, Варварой Петровой. На допросѣ въ ратушѣ начала она разсказывать приказнымъ людямъ про своего мужа такія небылицы, которымъ они не могли сразу повѣрить, но тѣмъ не менѣе велѣли ей разсказывать все, что она знала за Яровымъ, и все что слышала про него. Изъ ея разсказа видно, что вышла она за мужъ, „поневолѣ", въ 1732 г. 4 февраля. Въ началѣ она ничего не замѣчала за Яровымъ, но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ загадочнѣе и страннѣе становился ей молодой супругъ. Каждый день, лишь только начнется „смеркнуть", Яровъ уже сидитъ у себя „на подволокнѣ". Бывало подкрадется она тихонько къ мужу къ перегородкѣ, приложитъ ухо и слышитъ, какъ Яровъ „бормоча чинитъ волшебства какія то" и читаетъ „еретическія книги и письма". Посмотритъ она въ щель, увидитъ, какъ горятъ „лучины" и какъ пересыпаетъ мужъ „какія-то сѣмена" и стираетъ какія-то травы". Болѣзненно дѣйствуетъ такое колдовство на душу Яровой; не спится ей цѣлыя ночи, а если и придется заснуть, то каждый разъ грезятся ей такіе страшные сны, отъ которыхъ у ней и теперь, Яровой, леденѣетъ сердце и умъ. И вотъ подъ вліяніемъ страха она и обратилась сначала къ своему „духовнику", попу церкви Успенія Пресвятыя Богородицы*) Никитѣ Андрееву, а потомъ и къ сосѣду его попу

*) Успенскій мужской монастырь былъ подъ горой, гдѣ теперь Успенскій спускъ, церковь Успенскаго монастыря передана единовѣрцамъ и перенесенана Казанскій въѣздъ.

Никифору Елифанову. Оба они стояли за одно и говорили, „чтобъ не остаться ей приличной вмѣстѣ съ мужемъ ея въ такомъ еретичествѣ, нужно обо всемъ своевременно донести начальству“. На этомъ заканчиваются показанія Яровой и въ ратушѣ, провѣряя ея „извѣтъ“, невольно приходятъ къ убѣжденію, что здѣсь кроется доля правды. Вотъ почему при отпускѣ ея домой „наказываютъ“ Яровой хранить о своемъ доносѣ „въ тайнѣ“.

На другой день „для сыску“, наряжается особая команда, составленная изъ нѣсколькихъ „нарочныхъ“ и земскаго старосты Семена Ясырина „съ товарищи“. Посланные, прибывъ на мѣсто назначенія, накрываютъ Ярова „врасплохъ, въ *самый разгаръ его потаеннаго дѣйства*“ Вся команда, забравшись на верхъ его дома къ его подволокнѣ, стала сначала наблюдать что дѣлаетъ Яровъ, и предъ всѣми тогда въ полумрачномъ освѣщеніи открылась интересная панорама. Видятъ они, „что въ небольшихъ коробочкахъ“, лежавшихъ около Ярова, „находятся мало — рослыя коренья“, „тетрадки гадательныя“, „письма руки его“; кромѣ того, тутъ же „разложены еще другія всевозможныя травы сушеныя, несушеныя, тертыя, нетертыя около нихъ валяется какой-то „*букварь*“ и „невѣдомыя письма“, а кругомъ самаго Ярова разставлены „кости человѣческія“. Насмотрѣвшись вдоволь, и запомнивъ гдѣ и что Яровъ прячетъ, посланные вламываются „въ дверку на подволокню“, въ ту самую минуту, какъ Яровъ „вынимаетъ изъ зарытой въ мукѣ въ лукошкѣ книгу заговорную“, „притворную къ блуду“ и ею начинаетъ „дѣйство чинить“. Связываютъ Ярова, забираютъ все что могутъ найти и все что по взгляду команды имѣло значеніе потакому дѣлу. Съ большимъ коробомъ, нагруженнымъ вещественными доказательствами, былъ доставленъ Яровъ въ ратушу къ приказнымъ людямъ. Здѣсь не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, при полномъ составѣ слѣдствія, заставляютъ Ярова каяться въ „еретичествѣ“ его пытаютъ „бьютъ ботагомъ“ и все, что говоритъ онъ, записывается въ „допросѣ“.

Яровъ показывалъ, „что еретическую де книгу онъ имѣетъ тому съ девять годовъ", „по этой самой *невѣдомой* книгѣ онъ всегда и все дѣйство чинилъ", а какъ изучилъ онъ ее, „такъ и отрекся по ней отъ Всетворца Истиннаго Бога, но при этомъ отъ Христа онъ вовсе не отрѣкался". По этому самому ученію „онъ и діавола и сатану чтитъ и теперь владыками ихъ признаетъ, клянется имъ" — „быть постоянно въ ихъ діавольской волѣ, призываетъ къ себѣ еретиковъ Діонисія и Варлаамія" идетъ по ихъ ученію и „себя рабомъ ихъ на словахъ признаетъ", „и говорилъ онъ тогда все какъ въ той книжкѣ написано".

Но къ какой же категоріи раскола относился Яровъ, кто были учителя его Діонисій и Варлаамій и по какой „невѣдомой книжкѣ" излагалъ свою вѣру Яровъ?

Въ исторіи раскола извѣстенъ лишь расколоучитель Варлаамій, послѣдователь безпоповщинскаго толка, встрѣчавшійся въ Новгородской губерніи. Онъ вначалѣ былъ протопопомъ Псковскаго собора и затѣмъ принялъ постриженіе въ Псковскомъ Печерскомъ монастырѣ. Послѣдователемъ его былъ Ѳеодосій Васильевъ, котораго новгородскіе раскольники посылали въ 1692 году къ бѣжавшимъ раскольникамъ, на шведскій рубежъ для обличенія ихъ обратившихся на лоно православной церкви. Ѳеодосій Васильевъ происходилъ изъ рода бояръ Урусовыхъ, былъ дьячкомъ крестецкаго яма и, перекрещенный въ расколъ, названъ Діонисіемъ. Въ концѣ 1700 годовъ онъ удалился съ братомъ и со всѣмъ семействомъ своимъ въ Польшу, гдѣ и сдѣлался основателемъ особаго толка подъ названіемъ Ѳедосѣевщины. О другихъ проповѣдникахъ раскола подъ именами Діонисія и Варлаамія исторія умалчиваетъ*).

Изъ мѣстной же исторіи раскола, проявлявшагося по Поволжью, идущихъ рука объ руку по одному пути и извѣстныхъ расколоучителей подъ названіемъ Діонисія и Варлаамія, мы не находимъ. Изъ послѣдователей же Аввакума мы встрѣчаемъ сим-

*) „Исторія русскаго раскола, извѣстнаго подъ названіемъ старообрядцы" Спб. 1855 г. стр. 265—267.

бирскаго соборнаго протоіерея Никифора, который вмѣстѣ съ Аввакумомъ, Лазаремъ и Епифаніемъ былъ сосланъ въ Пустозерскъ, **) гдѣ и преданъ казни черезъ сожженіе.

Изъ другой категоріи раскола, подходящей ко времени описываемаго нами событія можно отнести хлыстовщину. Но среди нихъ мы не встрѣчаемъ извѣстныхъ проповѣдниковъ Діонисія и Варлаамія, являвшихся, какъ ранѣе, такъ и позднѣе начала XVIII вѣка.

Въ дѣлахъ „раскольническихъ комиссій“ мы находимъ одно лишь дѣло, относящееся къ Симбирской губерніи. Это дѣло „о сысканныхъ по показаніямъ колодника крестьянина Григорія Петрова, въ Алытырскомъ, Арзамасскомъ и Саранскомъ уѣздахъ разныхъ чиновъ людяхъ“.—Григорій Петровъ, крестьянинъ Алатырскаго уѣзда, вотчины приписнаго къ Троице Сергіевской лаврѣ Алатырскаго Троицкаго монастыря села Кладбищъ, сказалъ „слово и дѣло“ за собою и за однимъ сельчаниномъ своимъ Филатомъ Еремѣевымъ; въ той конторѣ разспросомъ въ 1745 году онъ показалъ: крестьянинъ Степанъ Пашневъ сказывалъ строителю Троицкаго монастыря Меѳодію, что въ Алатырскомъ и с межныхъ уѣздахъ появились раскольники уже давно; у нихъ есть Христосъ и Богородица и строитель собирался донести о нихъ Синоду, а псаломщикъ Иванъ Григорьевъ говорилъ, что слышалъ отъ попа села Миренокъ, Алатырскаго уѣзда, объ,убіеніи дѣвкою

**) Отсюда они не прекращали распространять своего ученія; Аввакумъ даже написалъ дерзкое письмо царю Ѳеодору Алексѣевичу. Тогда патріархъ Іоакимъ началъ настоятельно требовать казни этихъ расколо-учителей; въ 1681 году вышелъ указъ о нихъ; въ апрѣлѣ въ великій пятокъ того года, на площади построили срубъ изъ дровъ, и на немъ привязали Аввакума, Лазаря, Епифанія и Никифора. Собрался народъ и снялъ шапки.. дрова подожгли—замолчали всѣ. Аввакумъ сложилъ двуперстный крестъ и началъ говорить народу: „вотъ будете этимъ крестомъ креститься, во вѣки не погибнете, а оставите его—городокъ вашъ погибнетъ, пескомъ занесетъ, погибнетъ городокъ, настанетъ и свѣту конецъ!“ Огонь о хватилъ казненныхъ ,и одинъ изъ нихъ закричалъ. Аввакумъ наклонился къ нему и сталъ увѣщевать.. такъ и сгорѣли. Въ Пустозерскѣ за лѣсомъ есть площадка, тамъ крестъ стоитъ и зовется Аввакумовскимъ. См ,,Раскольничьи дѣла XVII вѣка“ М. Г. Есиповъ. Спб. 1861 г., стр. 116.

того-же села Аленою прижитаго ею младенца и объ употребленіи раскольниками тѣла этого младенца дли причащенія; эти раскольники Христомъ почитаютъ крестьянина Ивана Пименова апостоломъ же Филата Еремѣева. При арестѣ и допросѣ другихъ крестьянъ показанія Григорія Петрова частью подтвердились. Иванъ же Пименовъ показалъ: отъ роду ему лѣтъ сто; лѣтъ шестьдесятъ тому назадъ впалъ онъ въ безуміе, — ходилъ зимою и лѣтомъ, по лѣсамъ нагой, питался кореньемъ, ничего не говорилъ и слылъ у крестьянъ Христомъ; лѣтъ двадцать назадъ отъ безумія избавился и сталъ жить у брата въ Солдатской Алатырскаго уѣзда; мѣстные крестьяне называютъ его „богомоломъ“, за то что онъ ходитъ по ярмаркамъ и торжкамъ для моленія. По опредѣленію, отъ 3 іюня 1746 г., раскольническая комиссія привлеченныхъ къ слѣдствію крестьянъ, за исключеніемъ особыхъ выдающихся по этому дѣлу лицъ, освободила, отдавъ ихъ на поруки „по распискѣ“ *).

Вотъ всѣ данныя, которыя могли-бы имѣть хоть мало значительную общность съ еретикомъ Яровымъ, но эти данныя слишкомъ слабы и недоказательны. Между тѣмъ въ показаніяхъ Ярова есть что-то загадочное и въ тоже время въ нихъ проглядываетъ сходство съ тѣмъ ученіемъ, которое было въ XIV вѣкѣ въ Греціи, затѣмъ въ Италіи, откуда были и сношенія съ Кіевомъ. Такое ученіе могло случайно дойти до Ярова (принимая во вниманіе, конечно, нѣкоторое искаженіе въ изложеніи его показаній о вѣрѣ). Здѣсь говоримъ мы объ ученіи Варлаама.

Варлаамій былъ сынъ своего вѣка, человѣкъ „высокообразованный, проницательный, краснорѣчивый, но воспитанный въ латинскихъ обычаяхъ“. Ему, какъ игумену монастыря Святаго Спасителя въ Византіи, было поручено императоромъ „объяснить ученіе Св. Діонисія“. Черезъ нѣсколько времени, послѣ этого, мы

*) „Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Московск. Архивѣ М-ства Юстиціи“ кн. VI Москва, 1889 г., стр. 136—138.

встрѣчаемъ Варлаама уже еретикомъ, дѣйствующимъ въ Константинополѣ. Его ученіе начинается именно съ догматовъ, данныхъ Діонисіемъ. Варлаамъ, слѣдуя ученію Діонисія, приходитъ къ заключенію, по которому признаетъ „свѣтъ“, т. е., по православному исповѣданію сошествіе и явленіе Св. Духа, уже ниже нашей человѣческой мысли; онъ уподобляетъ это „лучамъ солнца“— свѣта. Начало такихъ понятій, получилось, вслѣдствіе того, что онъ зашелъ въ Ѳессалійскій монастырь къ „Исихастамъ“, гдѣ эти монахи и разсказали ему, что „будто въ минуты наиболѣе глубокаго религіознаго настроенія удостаиваются они вѣдѣнія божественнаго свѣта“. А въ самомъ ученіи Варлаама говорилось уже лаконически, что „свѣтъ, просіявшій на Ѳаворѣ, не только не былъ свѣтъ Божества, высшій ангеловъ, но былъ даже по существу своему ниже нашей мысли. Мысли наши не подлежатъ внѣшнему чувству; онѣ не могутъ быть видимы, такъ какъ свѣтъ оный былъ видимъ тѣлесными глазами и при томъ глазами людей несовершенныхъ, еще не освященныхъ благодатіею, какъ *нѣчто вещественное, являвшееся* въ пространствѣ и окрашивающее воздухъ“. *) Противъ такихъ понятій было воззваніе патріарха Константинопольскаго къ православнымъ— всячески избѣгать безбожнаго ученія Варлаама и его единомышленниковъ, избѣгать его, какъ общенія *съ демономъ*“ **).

Вотъ такое предположеніе можно сдѣлать относительно исповѣди Ярова; но въ этомъ предположеніи есть и обратная сторона. Яровъ преспокойно могъ быть *простымъ знахаремъ*, изучавшимъ травы, организмъ человѣка и, осуществляя свое ученіе практически, онъ подавалъ руку помощи приходящимъ къ нему больнымъ, просившимъ „заговора“. Подъ вліяніемъ пытокъ, могъ

*) См. Real Encyclopedie für protestantische theologie und Kirche, стр. 52—53. Ученіе Варлаама, говорится тамъ, было болѣзненная фантазія мистицизма, который изстари вкоренился въ греческой теологіи.

**) „Труды Кіевск. Дух. Академіи“ 1872 г. № 2. Варлаамитская ересь недѣтовскаго стр. 316—357.

онъ утверждать именно о чемъ его спрашивали; а говорилъ онъ все „по той самой книгѣ“, которую имѣлъ и читалъ, которая лицамъ, производившимъ о немъ слѣдствіе и допросъ, казалась „еретической“, именно такой книгой, по которой онъ могъ „колдовать“.

Самъ Яровъ продолжалъ разсказывать: „такую еретическую книгу нашелъ случайно“; при помощи ея онъ изучилъ проявлять свою силу въ заговорѣ „именно надъ тѣмъ, надъ кѣмъ бы онъ ни похотѣлъ“. Мать и жена „про такое его волшебство“ совсѣмъ ничего „не вѣдали; “только приходилось ему не разъ „каяться“ духовному своему отцу Никитѣ Андрееву „въ своемъ отрѣченіи отъ Бога“; но послѣ указа о волшебникахъ онъ совсѣмъ прекратилъ „въ своемъ домѣ чинить волшебство“, а сталъ „изучать только травы и корни“.

Вслѣдствіе такихъ показаній, произведена Ярову очная ставка съ женою его. Но при этомъ Варвара Петрова по прежнему упорно стояла на своемъ и говорила, „что еретичество за нимъ, Яровымъ, признаетъ издавна и видѣла она сама подлинно въ такой точно силѣ, какъ выше показано“.

Въ Симбирской Ратушѣ и не думаютъ на этомъ остановиться; напротивъ, идутъ далѣе, именно по тѣмъ слѣдамъ, которые намѣчали самъ Яровъ и жена его. Въ Архіерейскомъ Духовномъ Приказѣ спросили попа Никиту Андреева, и онъ вполнѣ, отрицая показанія Ярова, добавилъ, что „ни напредь сего, ни послѣ“ Яровъ у него „на исповѣди не былъ, въ своемъ еретичествѣ ему не каялся и Св. Таинъ не пріобщался“. Это самое показаніе подтвердилъ и другой попъ Никифоръ Елифановъ. Тогда окольнымъ путемъ стали наводить справки о тѣхъ лицахъ, которыя, хоть непосредственно, имѣли отношенія къ дѣлу о Яровѣ. Въ Архіерейскомъ Духовномъ Приказѣ узнаютъ, что Яровъ въ 1730 году лѣчилъ въ Симбирскѣ многихъ „болящихъ“, не только по своему личному желанію, но и по призыву самихъ симбирскихъ

посадскихъ людей. Это были Петръ и Гаврилъ Карамышевы, Иванъ Издеберскій, сноха послѣдняго Марья Иванова, Григорій Деревягинъ и другіе (не указаны ихъ имена и фамиліи). Кромѣ того, были и такіе свидѣтели, которыхъ „врачевалъ“ Яровъ „отъ безумія“. Указанныя лица при допросѣ единогласно показали, что Яровъ лѣчилъ ихъ отъ разныхъ болѣзней, и это было извѣстно не имъ однимъ, но и другимъ, которые „важнѣе ихъ“, что же касается его „ученія“ и „еретическихъ книгъ“ и „волшебства“ то „объ этомъ и подозрѣнія у нихъ на него никакого не было“; напротивъ того онъ казался имъ всегда „богобоязненнымъ“ и добрымъ. При лѣченіи онъ читалъ три молитвы, которыя напечатаны въ требникѣ, въ чинѣ крещенія, запретительныя отъ бѣсовъ и нечестивыхъ духовъ. Когда эти показанія были переданы Ярову, то онъ добавилъ, что знаетъ еще другого такогоже „ворожца тайнаго“, „себѣ подобнаго“, зовутъ его Плотниковымъ, но „въ чемъ состоитъ его ворожба, того онъ подлинно не вѣдаетъ“. Вслѣдствіе такихъ указаній Ярова на другого „зловреднаго еретика“, приказныя люди приняли мѣры и средства для розыска его; но все это неувѣнчалось успѣхомъ: никто изъ жителей симбирскихъ такого человѣка „не упомнилъ“. Тогда Симбирская Ратуша заканчиваетъ слѣдствіе о Яровѣ и все это дѣло передаетъ сначала въ Канцелярію Воеводскаго Правленія, а потомъ въ Канцелярію Симбирской Провинціи. Здѣсь мы видимъ, что передопрашиваются снова свидѣтели, которые единогласно повторяютъ свои показанія и говорятъ, что „богохульства и еретичества въ Яровѣ они не примѣчали, обращались къ нему, какъ къ знахарю, принимали отъ него и пили именно тѣ травы, которыя дѣлалъ онъ и отъ этихъ травъ имъ всегда легчало“. Когда же предлагали тѣ же вопросы Ярову, особенно относительно „ворожца“ Плотникова и когда требовали отъ него разъясненій на этотъ предметъ и били его батогомъ, тогда Яровъ „долго стоялъ на своемъ“, но подъ конецъ не выдержалъ, отрекся отъ своихъ по-

слѣднихъ показаній и „нестерпя пытокъ, вполнѣ очистилъ Плотникова“, говоря, „что поклепалъ онъ на него напрасно“.

На этомъ заканчивается весь розыскъ о еретикѣ Яровѣ и полное собраніе доказательствъ, послужившихъ къ обвиненію его въ колдовствѣ передается на окончательное заключеніе Козельской (?) *) Губернской Канцеляріи. А тутъ не обращая вниманія ни на неясность, ни на полноту этого дѣла прямо ставятъ въ вину Ярову всѣ дѣянія его и „предаютъ на сужденіе еритика“, при ссылкѣ на указъ 1831 г. 25 мая, гдѣ было предписано всѣмъ строго слѣдить за подобными людьми. „Въ Россіи“, говорится въ указѣ, „нѣкоторыя люди, забывъ страхъ Божій, и вѣчно за злыя дѣла мученія, показываютъ себя, будто бы они волшебства знаютъ и обѣщаются простымъ людямъ чинить всякіе пособы, чего ради тѣ люди призываютъ ихъ къ себѣ въ домы и просятъ ихъ о вспомоществованіи въ злыхъ своихъ намѣреніяхъ, что тѣ мнимые волшебники имъ обѣщаются и за то получаютъ себѣ немалыя прибавки, а прельщающіяся душевредными способы воспріемлютъ себѣ втунѣ убытки, паче же гнѣвъ Божій, а по гражданскимъ правамъ наказанія, а иные по винамъ и казни... того ради оные обманщики казнены будутъ смертію сожжены. .“

Исходя отсюда, Козельская Губернская Канцелярія опредѣляетъ „по силѣ Уложенья“ 1 гл. 1 пункта „казнить злосчастнаго Ярова, просидѣвшаго въ тюрьмѣ чуть не 4 года“ смертью, т. е. сжечь его.

И дѣйствительно 18 марта 1736 г., при полномъ стеченіи народа, была совершена казнь Ярова.. Обо всемъ этомъ Козельская Губернская Канцелярія спѣшитъ донести Правительствующему Сенату, что „Яровъ, какъ при слѣдствіи допросомъ своимъ показалъ, будто о своемъ отреченіи отъ Всетворца Бога и будто о еретичествѣ своемъ отцу духовному на исповѣди каялся, Св. Таинъ пріобщался, то объ этомъ можно подлинно донести,

*) По всѣмъ вѣроятіямъ эта описка и слѣдуетъ читать „Казанская.“

что какъ прежде въ своемъ еретичествѣ Яровъ отцу своему духовному ни когда не каялся, Св. Таинъ не пріобщался; такъ и теперь въ такой своей злости состоялъ онъ до окончанія своей казни. Почему ему, Ярову, экзекуція учинена и оный волшебникъ за всѣ злыя и богопротивныя дѣла свои на страхъ другимъ сожженъ...“

Въ заключеніи намъ приходится еще замѣтить, что съ перваго взгляда сожженіе Ярова, какъ мѣра наказанія, можетъ показаться фактомъ, какъ бы выдающимся изъ ряда обыкновенныхъ, но если наведемъ справку по „Описанію документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Моск. Архивѣ Министерства Юстиціи“ для разрѣшенія этого вопроса, то мы найдемъ указаніе, доказывающее намъ, что сожженія преступниковъ въ XVIII вѣкѣ бывали довольно часты, напримѣръ въ одномъ 1749 году духовными членами „слѣдственной о раскольникахъ комиссіи“ были приговорены и преданы сожженію 5 человѣкъ, *) мы видимъ, что при мѣнялось постановленіе, (1667 г.) собора 1666 г., гдѣ говорится: „еретиковъ и раскольниковъ, не только церковнымъ наказаніямъ имутъ наказатися, но и царскимъ, сирѣчь градскимъ закономъ и казненіемъ“ т. е. казнь черезъ сожженіе. **)

Д. Сапожниковъ.

---

*) а) къ публичному сожженію въ срубѣ 5 чел; б) къ смертной казни 26 в) къ наказанію кнутомъ, вырѣзаніе ноздрей и ссылкѣ 18; г) къ наказанію кнутомъ и ссылкѣ 171; д) къ наказанію плетьми и ссылкѣ 17; е) къ наказанію плетьми и отдачѣ въ солдаты и матросы 38; ж) къ наказанію плетьми и ссылкѣ въ монастырь на исправленіе 5; з) къ наказанію плетьми и отдачѣ на прежнее жилище 78; и) къ наказанію плетьми и выдачѣ замужъ за правовѣрующихъ 9; Безъ наказанія освобождено и разослано по монастырямъ 28 а различныя мнѣнія были поданы о 19 человѣкахъ. „Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ Моск. Архивѣ М-ства Юстиціи“ кн. VI, Москва 1889 г. „Дѣла слѣдственныхъ о раскольникахъ комиссій въ XVIII вѣкѣ“, стр. 106.

**) См. Полн. Собр. Зак. т. I, № 412, гл. VII. Ср. собран. постан. 1681 г. Акты истор. т. V № 75, 2. Наказаніе за содержаніе раскола въ ук. 1684 г Полн. Собр. Зак. т. II, № 1102.

Пер. изъ № 60 неоф отд. „Симб. Губ. Вѣд.“ за 1898 г.
Печатано въ Симб. губ. тип.